

Н.В. Смородинская, Д.Д. Катукоев

Российский санкционный кризис: концептуальные аспекты¹

УДК 339.9

Аннотация. Статья анализирует процесс прохождения российской экономикой первого и второго года санкций с целью выявления закономерностей санкционного кризиса в «большой стране», способной оказывать мощное обратное воздействие на глобальные энергетические рынки и участников санкционной коалиции. Отталкиваясь от осмысления экономистами мировой санкционной практики, мы рассматриваем российский кейс как ее уникальный эксперимент. Названы причины успешного преодоления Россией санкционных шоков 2022 г. и признаки ее погружения с 2023 г. в длительный стресс, связанный с накоплением структурных деформаций и упрощением экономики. Показано, что дружественные России страны могут стать главными бенефициарами ее санкционного положения. Подчеркивается, что санкционный кризис – это процесс нелинейной трансформации экономики, которому невозможно противостоять традиционными антикризисными мерами.

Ключевые слова: экономические санкции; санкционный кризис; большая страна; российская экономика; адаптация к санкциям; упрощение экономики; бенефициары санкций

В феврале 2022 г. Россия пополнила четверку стран (Северная Корея, Ирак, Афганистан и Иран), которые попали под коллективные санкции широкой международной коалиции, одобренные большинством членов ООН². Хотя под санкционную резолюцию ООН обычно попадают малые государства, нарушающие международную безопасность, впервые в этом ряду оказалась 11-я по размерам экономика мира, относимая к разряду влиятельных и крупных (в 2021 г. МВФ оценивал российский ВВП в 1,7 трлн долл.). Более того, прежние санкционные режимы в отношении стран-нефтеэкспортеров моделировались так, чтобы

---

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН на тему «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации».

² Санкции, наложенные на Россию 22 февраля 2022 г. коалицией из 43 стран (27 членов ЕС и еще 16 государств во главе со США и Великобританией как главных инициаторов) и поддержанные 24 марта двумя третями членов ООН (141 страна), нацелены на постепенное истощение ее бюджетных и ресурсных возможностей для продолжения специальной военной операции (СВО) на территории Украины или развертывания подобных операций на других территориях [Biersteker, 2022].

их изоляция не могла повлечь значимых негативных последствий для глобальных рынков. Это были либо широкие санкции против относительно небольших экономик (Иран, Венесуэла), либо, наоборот, узкие – применительно к большим (как «крымские» санкции 2014 г. в отношении России) [Mulder, 2022]. Но в данном случае беспрецедентные по масштабам ограничения были впервые введены против «большой страны» (big country в терминах теории международной торговли), которая входит в первую тройку мировых поставщиков углеводородов (вместе с США и Саудовской Аравией) и может оказывать мощное обратное воздействие как на глобальное энергообеспечение, так и на состояние других мировых рынков, где ее сырьевые поставки занимают значительную долю [Ушкалова, 2022]. С этой точки зрения коалиция из 43 стран, включая 27 членов ЕС, пошла на уникальный исторический эксперимент, чреватый неопределенными экстерналиями для ее участников, третьих стран и мировой экономики в целом.

Современная санкционная практика, имеющая столетнюю историю, стала заметным глобальным феноменом и предметом прицельного экономического анализа лишь с окончанием Холодной войны. Многие ее аспекты выходят далеко за рамки традиционной экономической теории, до сих пор мало изучены и порождают междисциплинарные споры. Для стран – инициаторов санкций кейс сегодняшней России поднимает ряд новых методологических вопросов. Перед самой Россией встают острые концептуальные и практические вызовы, связанные с осмыслением специфики санкционного кризиса и возможностей адаптации к его эффектам без ложных ожиданий [Головнин, Ленчук, 2023]. Базовые научные знания в сфере санкций лишь только формируются. Неслучайно весной 2022 г. в литературе появилось понятие *санкциономики* (sanctionomics) [Равава, 2022], отражающее потребность в новом, самостоятельном направлении теоретико-прикладных исследований.

В качестве вклада в это направление рассмотрим сложившееся состояние развития санкционных процессов, системный характер воздействия санкций на «большую страну» и ключевые закономерности санкционного кризиса, отличающие его от традиционных.

Эволюция и состояние развития мировой санкционной практики

Современная история экономических санкций началась после Первой мировой войны, когда образовавшаяся в 1919 г. Лига Наций стала использовать (по инициативе президента США Вудро Вильсона) мирный способ остановки военных конфликтов, дополняя средства традиционной дипломатии торгово-экономическим бойкотом страны-адресата [Mulder, 2022]. Теоретически этот замысел опирался на неоклассическую концепцию рационального агента: считалось, что нанесение стране экономических потерь должно побудить ее лидеров отменить решения, нарушающие нормы международного права [Jones, 2015].

После Второй мировой войны идея санкций была концептуально усилена осознанием экономистами важнейшей роли внешней торговли в росте благосостояния наций и, соответственно, – роли торговых запретов в подрыве экономического потенциала страны-адресата [Morgan et al., 2023]. Однако санкции стали распространенным инструментом международной политики лишь десятилетия спустя – в ходе принципиального расширения их состава и роста интенсивности применения.

В современном определении *экономические санкции* – это официальное, на уровне правительств, прерывание или угроза прерывания торговых и/или финансовых отношений со страной-адресатом (частично или полностью) для достижения позитивных изменений в ее политическом поведении [Hufbauer, Jung, 2021]. В отличие от торговых войн, связанных с задачей укрепления конкурентных позиций национального бизнеса на мировых рынках, санкции являются инструментом экономического давления, преследующим политические цели и коллективный общественный интерес [Timofeev, 2020].

Хотя главным драйвером применения санкций были и остаются США, с 1950-х годов санкционная практика прошла несколько этапов эволюции.

На *первом этапе*, охватившем период Холодной войны (до 1990 г.), введение санкций вышло далеко за рамки их первоначальной идеи и стало преследовать такие цели, как борьба с распространением ядерного оружия, с международным терроризмом, отмыванием денег, наркоторговлей и нарушением прав человека [Mulder, 2022].

Второй этап, связанный с окончанием Холодной войны, открыл «санкционное десятилетие ООН»: страны – члены из западных и постсоветских сообществ стали быстро приходить к согласию в отношении наказания «провинившихся». Поэтому с 1990-х годов частота применения санкций резко возросла, а практика их одностороннего наложения отдельной влиятельной страной (как США или Великобритания) стала все более смещаться к коллективному формату (многосторонние санкции), когда инициаторами ограничений выступают крупные межгосударственные организации и объединения (ООН, ЕС и др.) [van Bergeijk, 2021].

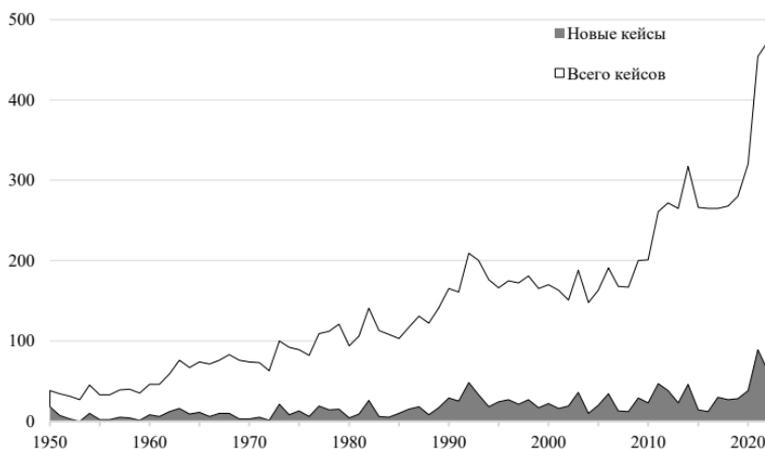
Третий этап, начавшийся в 2010-е годы, после Великой рецессии 2008–2009 гг., характеризуется экспоненциальным ростом объема вводимых санкций, переходом непосредственной инициативы в их наложении с глобального уровня ООН на уровень ЕС и других макрорегиональных коалиций (как правило, в альянсе с США), а также – значительным расширением разнообразия видов санкций, особенно в ходе цифровизации финансовой сферы. В этот период возникают такие санкционные новации, как отключение стран и компаний от международных сетевых платформ (в 2012 г. Ирану был перекрыт доступ к межбанковской системе SWIFT) или применение индивидуальных («умных») санкций, смоделированных под конкретные категории физических лиц, организаций и видов деятельности³.

В итоге в последние 70 лет применение санкций устойчиво, но нелинейно росло, и в настоящее время число действующих санкционных кейсов в год (включая контрсанкции стран-адресатов) примерно в 10 раз превосходит показатели 1950 г. (рис. 1)⁴. Если в 1990-е годы среднее их число составляло не более 250 в год, то в 2000-е – уже около 300, а в 2020-е – почти 500, охватывая около 100 стран мира [Syropoulos et al., 2022].

---

³ «Умные» санкции (smart sanctions) все чаще применяются сегодня по гуманитарным соображениям – для снижения издержек всего населения страны-адресата от традиционных секторальных санкций. Однако их эффективность относительно традиционных остается спорной и зависит от конкретного странового кейса [Drezner, 2011].

⁴ Санкционный кейс (sanctions case) охватывает тот временной промежуток (как минимум – год), на протяжении которого страна-адресат находится под санкциями (начиная с одной меры и более). Первый год действия санкций считается новым санкционным кейсом.

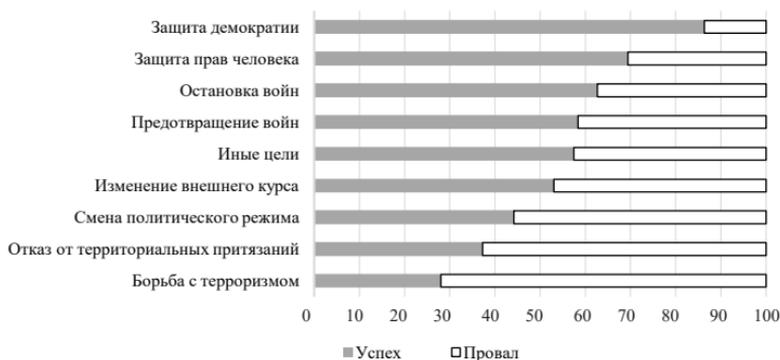

Источник. Данные Global Sanctions Data Base.

Рис. 1. Рост интенсивности санкционного процесса, 1950–2022 гг. (число новых и действующих санкционных кейсов в год)

Основоположниками экономического анализа санкционной практики признаны Г.К. Хафбауэр и его коллеги из Института Петерсона (США), а ее главным эмпирическим и статистическим источником сегодня служит *Глобальная база данных по санкциям* (The Global Sanctions Data Base – GSDB), разработанная совместно к 2020 г. американскими и европейскими экономистами. В своей последней версии GSDB содержит 1325 санкционных кейсов (с 1950 г. по 2022 г.), классифицированных по типам санкций, целям их наложения и степени успешности достижения этих целей. Среди типов санкций в мире сегодня доминируют финансовые и торговые, а также запрет на въезд физических лиц, препятствующий международным бизнес-контактам [Федюнина, Симачев, 2023]. Среди целей преобладают защита демократии, защита прав человека и остановка военных конфликтов – и эти же цели оказываются, по данным GSDB, наиболее успешно достижимыми (рис. 2).

Несмотря на широкое распространение и эволюцию санкционных инициатив, *санкции остаются спорным инструментом международной политики*: консенсус по поводу их результативности в экспертном сообществе отсутствует.

Источник. Данные Global Sanctions Data Base.

Рис. 2. Степень успешности санкционных кейсов по их целям, в среднем за 1950–2022 гг., %

Политологи и историки больше выступают скептиками санкций, указывая на снижение среднего уровня их эффективности с точки зрения достижения заявленных целей с 30–45% случаев в 1990-е гг. до 20–25% с середины 2010-х гг. [Mulder, 2022]. Так же, как и представители поведенческой экономики, они задаются вопросом о соотношении издержек и выгод санкционной практики, отмечая, что экономические потери страны-адресата часто ведут к парадоксальному результату – сильнее консолидируют нацию вокруг прежнего внешнеполитического курса властей или провоцируют вызревание новых военных конфликтов [Hufbauer et al., 2009].

Большинство международных экономистов, напротив, считают применение санкций оправданным даже при неполном политическом успехе, подчеркивая эффективность уже самой угрозы их введения и эффект ограничения ресурсных возможностей страны-адресата для продолжения прежнего внешнего курса [Hufbauer, Jung, 2021]. Экономисты, погруженные в эту сферу, убеждены, что даже если санкции достигают своей конечной политической цели лишь в 25% случаев, их отсутствие принесло бы мировому сообществу гораздо большие издержки [Morgan et al., 2023]. Кроме того, эконометрические расчеты выявили, что проблема «черных рыцарей» (влиятельных партнеров, помогающих стране-адресату ослаблять воздействие санкций) решается путем расширения круга стран-инициаторов. Это подтверждается

и эмпирическими данными GSDB: за последние 70 лет самыми результативными в мировой практике оказывались многосторонние санкции ООН и ЕС [Syropoulos et al., 2022].

Тем не менее в мировой науке пока не сформировалась общепризнанная теория санкций, а у экономистов еще не сложилось единой методологии, позволяющей оптимально связать политические цели санкций с пакетом вводимых ограничений, этот пакет – с его экономическими последствиями для страны-адресата, а эти последствия – с их экстерриториальными эффектами для других стран, включая политические [Hufbauer, Jung, 2021].

Анализируя санкционные режимы, экономисты пока опираются на разрозненные теоретические подходы – теорию международной торговли (гравитационная модель), анализ рынков (выявление влияния санкций на отдельные отрасли и цены), теорию игр (анализ отношений стран-инициаторов со страной-адресатом), модель общего равновесия, регрессионные модели и др. Однако они признают сложность такого анализа и острую потребность в *междисциплинарной теории санкций*, способной примирить их сторонников и скептиков, объединяя достижения различных течений экономической мысли и целого ряда общественных наук (политологии, социологии, экономгеографии, юриспруденции и др.) [Felbermayr et al., 2021].

Что же касается потребностей стран-адресатов, для них главным вызовом остаются эффективное сопротивление системным санкциям и успешное преодоление нового типа кризисов – санкционного.

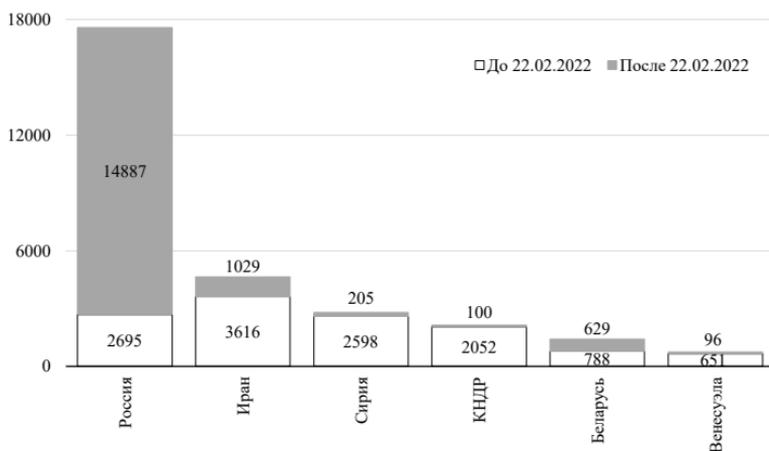
Санкции в отношении России как уникальный исторический эксперимент

Инициаторы санкционирования России шли в фарватере аналогичного опыта в нефтедобывающем Иране, который с 2011 г. находится под коллективными санкциями США, ЕС и ООН. При этом они учитывали масштабы финансово-экономического потенциала России, определяемые мощностью ее присутствия на мировом и особенно европейском энергетическом рынках⁵.

---

⁵ В конце 2021 г. Россия обеспечивала 25% мирового газового экспорта и 12–17% нефтяного (нефть и нефтепродукты), покрывая спрос Западной Европы по газу на 45%, а по нефти – на 34% (у некоторых стран ЕС – на 70–80%) (IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/russian-supplies-to-global-energy-markets>; IEA. <https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-russian-natural-gas>).

Теоретически Россия может поддерживать приток валютных поступлений и, соответственно, пополнять доходы бюджета до тех пор, пока не только Европа, но и мир в целом не откажутся от углеводородов. Санкции призваны сжать эти доходы, но не вытеснить Россию с глобального рынка энергоресурсов. Поэтому весной 2022 г. на Россию был наложен беспрецедентный объем секторальных и индивидуальных ограничений, которые нарастая, составили в совокупности около 17,5 тыс. (вместе с пакетом санкций 2014 г.) – это почти в 4 раза больше, чем у Ирана, многолетнего лидера по объему санкций, и в 1,5 раза, чем у основных стран-адресатов вместе взятых (рис. 3).

Источник. Castellum.AI. Russia sanctions dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>

Рис. 3. Совокупное число ограничений в основных странах-адресатах (по данным на август 2023 г.)

Российский санкционный режим выстроен системно по аналогии с иранским – с учетом схожих структурных уязвимостей обеих ресурсозависимых экономик [Смородинская, Катуков, 2022]. Он содержит три комплементарных группы ограничений (табл. 1), призванных изолировать Россию от глобальных рынков и подорвать ее финансово-промышленный потенциал одновременно с трех сторон: а) по линии зависимости бюджета и динамики ВВП от экспорта сырья и энергоресурсов; б) обрабатывающей промышленности – от импорта технологий и компонентов;

с) государства и бизнеса – от доступа к конвертируемой валюте при проведении текущих и капитальных финансовых операций (заимствований, платежей и расчетов). Индивидуальные санкции против отдельных компаний логически связаны с секторальными и их усиливают.

Таблица 1. Структура наложенных на Россию секторальных санкций (основные категории, 2022 г.)

Запреты	Ключевые инцидаторы санкций						
	Австра- лия	Кана- да	ЕС	Япо- ния	Швей- цария	Велико- британия	США
На импорт из России (экспортное эмбарго):							
нефть и нефтепродукты	*	*	*	*	*	*	*
газ	*						*
уголь			*	*		*	*
золото	*	*	*	*	*	*	*
металлы			*		*		
предметы роскоши		*	*			*	*
На экспорт в Россию (импортное эмбарго):							
металлы	*						
современные технологии		*	*	*	*	*	*
технические и бизнес-услуги		*	*	*	*	*	*
предметы роскоши	*	*	*	*	*	*	*
На финансовые операции с Россией:							
по линии МВФ и Всемирного банка		*	*	*		*	*
по суверенного долгу	*	*	*	*	*	*	*
закрытие банковских корсчетов						*	*
отключение банков от SWIFT		*	*	*	*	*	*

Источник. Castellum.AI. Russia sanctions dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>

Однако если в Иране введение коллективных ограничений мгновенно подорвало нефтяную отрасль, экономику и бюджет [Kozhanov, 2022], то Россия прошла санкционные шоки 2022 г. с уникальной позитивной аномалией в истории санкций: быстро сдержала инфляцию, принципиально ослабила годовой спад ВВП

относительно мрачных прогнозов (минус 2,1% против 8–11%) и даже заработала валютные сверхдоходы.

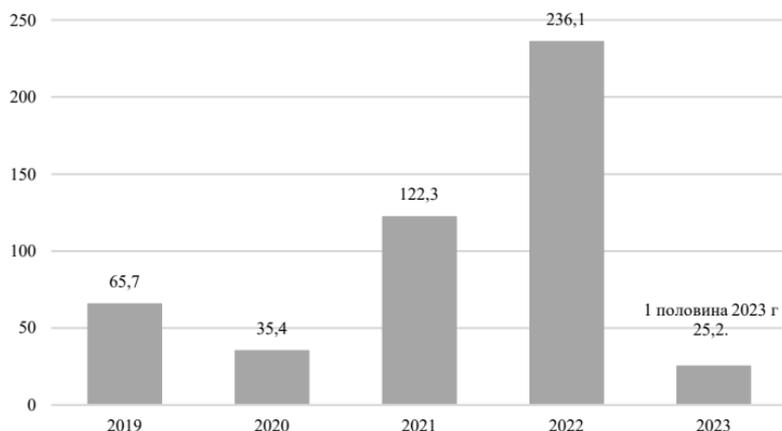
Риски резкого выпадения России как «большой страны» из системы энергопоставок были восприняты рынками как угроза дефицита топливных ресурсов. Это побудило Европу не вводить газовое эмбарго и отложить полное введение нефтяного (по сырой нефти – до декабря 2022 г., по нефтепродуктам – до февраля 2023 г.), тогда как глобальные рынки отреагировали даже на частичное ограничение российских поставок аномальным взлетом нефтегазовых цен (на 50% и более в первой половине 2022 г.). Резкое удорожание углеводородов позволило России наращивать стоимостные объемы экспорта даже при снижении его физических объемов и дисконтных ценах, продолжая поставки в ту же Европу и развертывая замещающее восточное направление. В ситуации двукратного сжатия импорта из Европы это обеспечило России рекордный за последние 10 лет профицит текущего счета (по итогам 2022 г.) и с лихвой перекрыло санкционные потери бюджета.

По сути, *в первый год санкций Россия сумела временно снизить санкционные потери для себя и повысить побочные издержки у стран-инициаторов*. В 2022 г., когда экспортные ограничения были минимальны, ей удалось реализовать инерционный макроэкономический сценарий, избежав острого финансового кризиса. В то время как страны ЕС оказались в кризисной ловушке «большой страны» [Ушкалова, 2022]. Вследствие взлета нефтяных цен и введения Россией газовых контрсанкций Европа испытала глубокий энергетический шок, резкий разгон инфляции икратно возросшую угрозу stagflationной рецессии. В итоге у многих экспертов сложилось впечатление, что *санкции больше работают против самой санкционной коалиции, чем против России*.

Однако к 2023 г. глобальные рынки адаптировались к рискам и издержкам санкционирования России: нефтяные цены постепенно стабилизировались, энергетическая инфляция на Западе стала спадать. К середине года Европа миновала тяжелый кризис и практически вышла из зависимости от российских углеводородов. Напротив, Россия исчерпала ценовое влияние «большой страны» как фактора наращивания валютной выручки, а восточные нефтяные рынки смогли лишь частично компенсировать ей

утрату премиальных европейских. Поэтому *второй год санкций стал для России годом развертывания ранее отложенных эффектов санкционного кризиса*. С введением Европой полного нефтяного эмбарго тренды в состоянии ключевых макрофинансовых показателей России зеркально перевернулись.

Во-первых, профицит текущего счета почти обнулится (рис. 4), опустившись ниже уровней пандемического 2020 г. (до 25 млрд долл.). Это объяснялось тем, что экспорт России сжался в физических объемах и подешевел, а импорт с замещающих восточных рынков – наоборот, возрос и подорожал. Валютные поступлениякратно сократились и по капитальным операциям – из-за продолжения оттока капиталов при нулевом притоке иностранных инвестиций.

Источник. Данные Банка России.

Рис. 4. Состояние счета текущих операций, 2019–2023 гг., млрд долл.

Во-вторых, развернулся тренд санкционного сжатия нефтегазовых доходов бюджета (за январь-май они упали наполовину, к сентябрю – на 38% год к году). На фоне резкого и устойчивого роста бюджетных трат в условиях СВО (еще с осени 2022 г.) это привело к рекордному для России бюджетному дефициту (табл. 2).

Таблица 2. Состояние федерального бюджета, 2021–2023 гг., трлн руб.

Показатель	2021	2022	5 мес.		8 мес.	
			2022	2023	2022	2023
Доходы	25,3	27,8	12,0	9,8	17,6	17,0
Нефтегазовые	9,1	11,6	5,7	2,9	7,8	4,8
Ненефтегазовые	16,2	16,2	6,4	7,0	9,8	12,2
Расходы	24,8	31,1	10,5	12,8	17,3	19,4
Сальдо	0,5	–3,3	1,6	–3,0	0,3	–2,4

Примечание. Данные за 5 месяцев отражают годовые пики: рекордный подъем и падение нефтегазовых доходов, рекордный профицит и дефицит бюджета.

Источник. Данные Министерства финансов РФ.

В-третьих, ухудшение состояния текущего счета и бюджета, а также дедолларизация экономики вылились в многомесячный тренд ослабления рубля (с конца 2022 г.), обернувшийся в августе его обесценением почти на 30% относительно января. Это сопровождалось разгоном инфляции, которая будет нарастать, по оценкам, до середины 2024 г. [Перевышин, Трунин, 2023]. Хотя Банк России рассчитывает стабилизировать цены через подъем ключевой ставки, монетарная политика едва ли способна преодолеть инфляцию издержек и ее структурные факторы – такие, как санкционное удорожание затрат (по импорту, торговому посредничеству третьих стран, переключению на дальние рынки и др.) или проблема «валютного голода» (устойчивый дефицит конвертируемой валюты для оплаты значимого импорта вследствие падения экспортной выручки, обесценения рубля и санкционных ограничений на использование долларов и евро)⁶.

Что же касается макродинамики, то к середине 2023 г., через год после пикового падения, экономика уже восстановила совокупные докризисные объемы выпуска – вдвое быстрее, чем было в Иране при первоначальной рецессии. Этот успех объясняется не столько высокой устойчивостью к санкциям, сколько *спецификой сложившейся модели роста*. Декомпозиция

⁶ В Иране аналогичная проблема породила распространение бартерной торговли и полуполюгальной хавалы, в России – оплату экспорта в рублях и юанях, что, однако, не решает проблемы приобретения современного инвестиционного импорта для модернизации производства.

агрегированных данных в разрезе отраслей⁷ показывает, что ускоренное восстановление обеспечено искусственным импульсом – резким расширением госинвестиций и госзаказов для цепочек реального сектора, связанных с ВПК. В частности, по оценкам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования [Сальников и др., 2023], подъем промышленности на 60–65% обусловлен бюджетными расходами на нужды СВО.

Та же отраслевая статистика выявляет, что в экономике возникают дисбалансы, усугубляющие санкционные деформации. Так, динамичный подъем «тяжелых» инвестиционных секторов, связанных с ВПК, контрастирует с медленным восстановлением потребительских отраслей и со стагнацией на грани спада добывающих⁸. Аналогичным образом, согласно данным Росстата, интенсивный приток госинвестиций в приоритетные секторы контрастирует со спадом частных инвестиций в остальных отраслях. В итоге на макроуровне возникает структурный дисбаланс между товарным предложением и спросом, что ведет к искусственному перегреву экономики и образованию денежного (фискального) навеса.

Бюджетный стимул поддержки роста, заложенный в модель военного кейнсианства эпохи Рузвельта (и в целом в идею кейнсианства), рассчитан на запуск и устойчивый подъем потребительского, инвестиционного и экспортного спроса. Но в условиях санкций эти драйверы роста значительно подорваны, так что бюджетные вложения в ВПК не влекут за собой равноценного подъема в гражданских секторах. В такой модели государственный спрос остается главным фактором продолжения роста, что делает экономику крайне уязвимой при нарастании бюджетных трудностей.

Закономерности санкционного кризиса

При всей неоднородности влияния санкций на страны-адресаты [Федюнина, Симачев, 2023] Россия сегодня попала под тот формат применения ограничений, который, по расчетам международных экономистов, должен нанести ей наибольшие издержки при наименьшем возможном ущербе

---

⁷ Банк России. 2023. О чем говорят тренды. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования. № 5.

⁸ Там же.

для стран-инициаторов [Chowdhry et al., 2022]. На Россию наложены не просто сверхмасштабные, а многосторонние и скоординированные санкции широкой коалиции, причем наиболее тесная координация происходит между странами ЕС, ранее выступавшими ее главными торговыми партнерами. Ожидаемое уплотнение координации между ЕС и США призвано повысить издержки России еще сильнее при минимальном уроне для участников коалиции [Hausmann et al., 2022], т.е. снизить неопределенность санкционного эксперимента.

Этот формат во многом определяет логику дальнейшего протекания российского санкционного кризиса. Сформулируем ряд его закономерностей, влияющих на тренды функционирования российской экономики в обозримой перспективе.

Санкционный кризис как нелинейный процесс трансформации

В отличие от естественных ресурсных ограничений, устанавливаемых рынками, санкции – это искусственные, политически мотивированные внешние ограничения, которые ложатся на экономику неснимаемым грузом, оказывая накопительное угнетающее воздействие на ее структуру и производительность. Соответственно, санкционный кризис лишен традиционного цикла спада и подъема. Скорее, это нелинейный и хаотичный процесс трансформации экономики в сторону большей закрытости и меньшей продуктивности. Сроки, скорость и глубина этой регрессивной трансформации мало предсказуемы, особенно если прямые и вторичные санкции продолжают нарастать. Поэтому прогнозирование динамики ВВП в данном случае весьма условно, а возможный разброс в оценках годовых показателей не так значим для обозначения трендов, как при классических кризисах.

Важно другое: под грузом системных санкций экономика лишается новых источников развития и, если растет, то всегда ниже своего потенциала, зачастую – «на холостых оборотах», когда номинальный прирост ВВП не отражает уровня благосостояния, а скорее камуфлирует его снижение.

Главный вызов – не санкционные шоки, а последующий стресс

Способность «большой страны» смягчить первые санкционные шоки, сгладить первоначальный спад и быстро выйти

из рецессии не ослабляет груза санкций. Санкционные шоки имеют устойчивые последствия и трансформируются в длительный макроэкономический стресс, когда негативные эффекты начинают накапливаться и углублять деформации в экономике. Более того, любые успехи в сопротивлении санкциям, направленные на поддержание бюджета и текущей макродинамики, достигаются ценой структурных перекосов, усугубляющих падение экономической эффективности.

Так, в России ценой сдерживания инфляции весной 2022 г. стала утрата конвертируемости рубля, а резкий подъем ключевой ставки в августе-сентябре 2023 г. подавляет активность частного бизнеса. Успешное переключение торговли на Восток привело к пространственной деформации экономики – недогрузке мощностей в европейской части страны и их перегрузке в азиатской. Ценой газовых контрсанкций России стала утрата ею не только европейских, но и мировых рынков природного газа. А ставка на Китай обернулась возрастающей зависимостью от него во внешней торговле, системе международных расчетов, регулировании курса рубля и в будущих технологических решениях.

Негативная адаптация к санкциям путем структурного упрощения

В отличие от плановой советской, рыночная экономика (если она сохраняет свободу цен) застрахована от коллапса при любом масштабе внешних ограничений. Но она реагирует на эти ограничения повсеместным структурным упрощением и обретает тем самым новое макроравновесие – на пониженном уровне технологичности и продуктивности. Упрощение становится главным эндогенным механизмом адаптации систем к санкционному стрессу, тогда как в естественных условиях они развиваются путем структурного усложнения [Смородинская, 2017].

В России сегодня упрощаются отраслевая и технологическая структура производства, продуктовая структура выпуска, структура трудовых ресурсов. Ярким примером снижения технических стандартов стал автопром, смягчивший экологические нормы к выпускаемым автомобилям. Во многих других секторах бизнес также прервал цифровизацию и упрощает структуру затрат – замещает недоступные западные технологии и подорожавшую импортную технику спросом на массовый труд, что возвращает

экономику к архаичной трудоемкой модели в ущерб наукоемкости [Смородинская, Катуков, 2022].

Между тем власти подсанкционных стран обычно стремятся найти более позитивный сценарий адаптации, чем балансирующая работа рынка, провозглашая курс на инвестиционное импортозамещение и технологическую самодостаточность, в том числе на базе развития инноваций. Этот подход, заложенный в иранскую «экономику сопротивления» [Khajepour, 2020], коннотирует с российской идеей технологического суверенитета. Однако в Иране данная доктрина не увенчалась успехом (страна продолжает страдать от гиперинфляции, периодических спадов и девальваций), а в России процесс замещения критически важного западного импорта явно буксует [Кузык, Симачев, 2023]. Это объясняется нереалистичностью эффективного импортозамещения и модернизации производства под системными санкциями, когда доступ предприятий к передовым технологиям и необходимым ресурсам крайне ограничен, а эффект экономики на масштабах отсутствует. При сжатии внешнего и узости внутреннего спроса бизнес не в состоянии окупить значительные вложения в проекты создания сложной высокотехнологичной продукции – даже при льготах и гарантированных заказах со стороны государства.

В результате локализация цепочек поставок и замещение западных компонентов менее продвинутыми аналогами неизбежно толкают экономику в русло *регрессивной индустриализации*, когда наиболее рациональной стратегией оказывается перестройка технологических линий и бизнес-процессов под выпуск товаров более низкой сложности.

Реализация санкционных эффектов через выигрыши стран-партнеров

Санкционирование России порождает перестройку глобальных стоимостных цепочек, что нередко ведет к парадоксальной ситуации, когда ее потери перераспределяются не в пользу Запада, а в пользу дружественных стран. Более того, сам разворот на Восток, облегчивший России текущий адаптационный маневр, сопровождается возрастанием относительных издержек, способных нивелировать выгоды от дальнейшего наращивания связей на этом направлении. Чем шире будут эти связи, тем сильнее Россия будет зависеть от своих новых

партнеров и тем большую долю потенциальных доходов ей скорее всего придется им отдавать.

В частности, переформатирование мирового энергетического рынка приводит к тому, что Россия отдает растущую часть возможной валютной выручки тем партнерам в Азии и на Ближнем Востоке, которые скупают ее подешевевшую нефть для самостоятельной переработки и дальнейшего экспорта нефтепродуктов на Запад. Лидером на этом направлении неожиданно стала Индия: в течение 2022 г. она нарастила закупки российской нефти почти с нуля в 33 раза (Китай – на 30%), наладила ее переработку и теперь успешно зарабатывает на экспорте в Европу дизельного топлива, замещая здесь Россию в качестве главного поставщика⁹. Для перекрытия валютных потерь в области нефтепереработки России приходится наращивать физические объемы экспорта сырой нефти (на 80% для поставок в Китай и Индию), что при существующих дисконтах делает эти усилия еще более затратными.

По своему экономическому потенциалу восточные партнеры не в состоянии заместить России западных, особенно в вопросах привлечения стратегических инвестиций и новейших технологий. Однако сегодня они нужны России больше, чем она нужна им. Поэтому они прагматично извлекают выгоды из ее санкционного положения и становятся его главными бенефициарами, зарабатывая на торговом посредничестве, дисконтных ценах, удорожании своих поставок в Россию и перехвате ее перерабатывающих мощностей.

Конечные эффекты санкций – отставание от среднемирового уровня развития

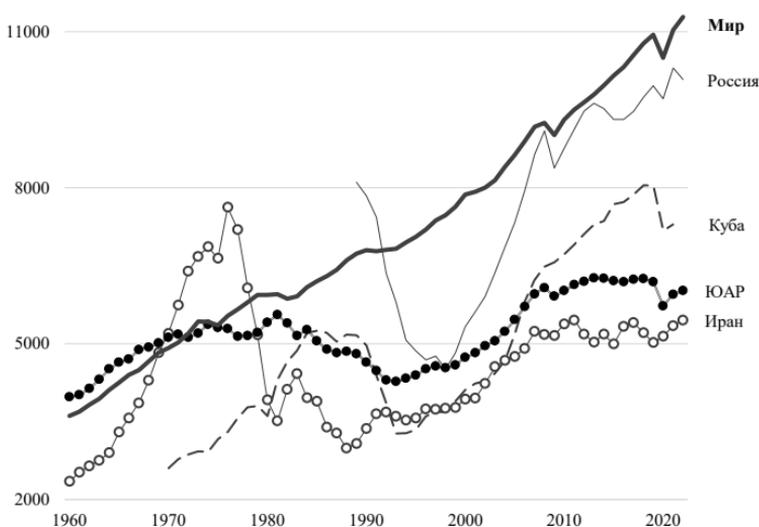
Санкционный кризис характеризуется волатильной динамикой реального ВВП, ростом издержек, спадом производительности и накоплением структурных деформаций. В конечном итоге это ведет к сжатию потенциального ВВП, т.е. длительному периоду упущенного роста. Поэтому конечные эффекты такого кризиса принято измерять через интегральные потери страны от упущенного роста, связанные с падением уровня благосостояния

---

⁹ Bloomberg. Russian oil still powering Europe's cars with help of India. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-04-28/russian-oil-is-still-powering-europe-s-cars-with-help-of-india> (дата обращения: 28.04.2023).

[Chowdhry et al., 2022]. С точки зрения этих потерь *санкции одинаково работают применительно к любой экономике*, независимо от ее исходных размеров, запаса прочности и влияния на мировые рынки.

Стилизованные факты [Neuenkirch, Neumeier, 2015; Gutmann et al., 2023] свидетельствуют, что прямое воздействие санкций на падение совокупной производительности и уровня благосостояния исчерпывается после 7–10 лет присутствия внешних ограничений. Это можно рассматривать как окончание санкционного кризиса. Однако, откатившись назад технологически и оставаясь в изоляции от глобальных рынков, страна продолжает испытывать нарастающий отрыв от среднемировых показателей по динамике прироста душевого ВВП (рис. 5). Международная статистика подтверждает: чем дольше длятся санкции, тем сильнее это отставание.

Примечание. Данные по Венесуэле и Северной Корее отсутствуют; данные по России отражают влияние санкций 2014 г. Оценка в постоянных ценах не совпадает с аналогичными показателями в текущих.

Источник. Данные Всемирного банка.

Рис. 5. Подсанкционные страны: отставание по душевому ВВП от среднемирового уровня, 1960–2022 гг., долл. (постоянные цены 2015 г.)

Так, до исламской революции и попадания в 1979 г. под первые американские санкции Иран был растущей экономикой с уровнем благосостояния выше среднемирового, а теперь он относится к бедным странам (нижняя группа стран со средним доходом в статистике Всемирного банка), отставая по этому показателю от ЮАР и даже от Кубы. В начале 1970-х годов Иран находился на одном уровне развития с Мексикой, а к 2020 г., при всех преимуществах нефтеэкспортера, он вдвое отстал от Мексики по душевому ВВП (при его расчете в ценах 2017 г.). Оценки по России показывают, что даже при узких санкциях 2014 г. она ежегодно теряла около 1 п.п. потенциального ВВП [Кнобель и др., 2019], а при нынешних ограничениях эти потери могуткратно возрасти.

Таким образом, санкции могут сразу не достигать заявленных целей и нести издержки участникам санкционной коалиции, но они считаются экономически оправданной мерой, если издержки у страны-адресата имеют тенденцию к росту, а у стран-инициаторов – наоборот, к падению [Chowdhry et al., 2022]. При этом даже «большая страна» подвергается негативной адаптации, что постепенно истощает ее возможности для продолжения внешнего курса, из-за которого санкции были введены.

Литература/References

- Головнин М.Ю., Ленчук Е.Б. (ред.). Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию. М.: ИЭ РАН, 2023.
- Golovnin, M.Yu., Lenchuk, E.B. (eds.). (2023). *Russia's economy under new challenges: From adaptation to development*. Moscow: IE RAS. (In Russ.).
- Кнобель А.Ю., Багдасарян К.М., Лощенко А.Н., Прока К.А. Санкции: всерьез и надолго. М.: Изд. дом «Дело», 2019.
- Knobel, A.Yu., Bagdasaryan, K.M., Loshchenkova, A.N., Proka, K.A. (2019). *Sanctions are here for a good long while*. Moscow. Delo Publishing House. (In Russ.).
- Кузык М.Г., Симачев Ю.В. Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3. С. 172–180. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172–180
- Kuzyk, M.G., Simachev, Yu.V. (2023). Strategies of Russian companies to adapt to the 2022 sanctions. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 3. Pp. 172–180. (In Russ.) DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172–180
- Перевышин Ю.Н., Трунин П.В. Реализовавшиеся инфляционные риски привели к значительному повышению ключевой ставки. Мониторинг экономической ситуации в России. 2023. URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/realizovavshiesya-inflyatsionnye-riski-priveli-k-znachitelnomu-povysheniyu-klyuchevoy-stavki.html> (дата обращения: 09.25.2023).

Perevyshin, Yu.N., Trunin, P.V. (2023). Realized inflation risks led to a significant increase in the key rate. *Monitoring of Russia's Economic Outlook*. (In Russ.). Available at: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/realizovavshiesya-inflyatsionnye-riski-priveli-k-znachitelnomu-povysheniyu-klyuchevoy-stavki.html> (accessed: 09.25.2023).

Сальников В.А., Галимов Д.И., Гнидченко А.А. О промежуточных итогах развития промышленности с начала 2022 г.: производство и инвестиции. Тринадцать тезисов об экономике. 2023. № 3.

Salnikov, V.A., Galimov, D.I., Gnidchenko, A.A. (2023). On interim results of industrial development since the beginning of 2022: Production and investments. *Thirteen Theses on Economics*. No. 3. (In Russ.).

Сморodinская Н.В. Усложнение организации экономических систем в условиях нелинейного развития // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 5. С. 104–115.

Smorodinskaya, N.V. (2017). Growing organizational complexity of economic systems under non-linear development. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*. No. 5. Pp. 104–115. (In Russ.).

Сморodinская Н.В., Катукоев Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики РАН. 2022. № 6. С. 52–67. DOI: 10.52180/2073–6487_2022_6_52_67

Smorodinskaya, N.V., Katukov, D.D. (2022). Russia under sanctions: The limits of adaptation. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*. No. 6. Pp. 52–67. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073–6487_2022_6_52_67

Ушколова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 218–226. DOI: 10.31737/2221–2264–2022–55–3–14

Ushkalova, D.I. (2022). Russia's foreign trade under sanctions pressure. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 3. Pp. 218–226. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221–2264–2022–55–3–14

Федюнина А.А., Симачев Ю.В. Всегда ли международные санкции достигают своей цели? Ограничения санкционной политики // ЭКО. 2023. № 7. С. 95–108. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2023–7–95–107

Fedyunina, A.A., Simachev, Yu.V. (2023). Do international sanctions always achieve their purpose? Limitations of sanctions policies. *ECO*. No. 7. Pp. 95–108. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2023–7–95–107

Biersteker, T. (2022). Sanctions against Russia and the role of the United Nations. *Global Challenges*. No. 12. Available at: <https://globalchallenges.ch/issue/12/sanctions-against-russia-and-the-role-of-the-united-nations/> (accessed: 18.11.2022).

Chowdhry, S., Hinz, J., Kamin, K., Wanner, J. (2022). Brothers in arms: The value of coalitions in sanctions regimes. *Kiel Working Papers*. No. 2234.

Drezner, D.W. (2011). Sanctions sometimes smart: Targeted sanctions in theory and practice. *International Studies Review*. Vol. 13. No. 1. Pp. 96–108. DOI: 10.1111/j.1468–2486.2010.01001.x

Felbermayr, G., Morgan, T.C., Syropoulos, C., Yotov, Y.V. (2021). Understanding economic sanctions: Interdisciplinary perspectives on theory and evidence. *European Economic Review*. Vol. 135. No. 1. P. 103720. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2021.103720

Gutmann, J., Neuenkirch, M., Neumeier, F. (2023). The economic effects of international sanctions: An event study. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 180. Pp. 1–18. DOI: 10.1016/j.jce.2023.05.005

Hausmann, R., Schetter, U., Yildirim, M.A. (2022). On the design of effective sanctions: The case of bans on exports to Russia. *CID Faculty Working Papers*. No. 417.

Hufbauer, G.C., Jung, E. (2021). Economic sanctions in the twenty-first century. *Research handbook on economic sanctions*. P.A.G. van Bergeijk (ed.). Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 26–43.

Hufbauer, G.C., Schott, J.J., Elliott, K.A. (2009). *Economic sanctions reconsidered*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.

Jones, L. (2015). *Societies under siege: Exploring how international economic sanctions (do not) work*. Oxford: Oxford University Press.

Khajehpour, B. (2020). Anatomy of the Iranian economy. *UI Papers*. No. 6.

Kozhanov, N.A. (2022). Iran's economy under sanctions: Two levels of impact. *Russia in Global Affairs*. Vol. 20. No. 4. Pp. 120–140. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140

Morgan, T.C., Syropoulos, C., Yotov, Y.V. (2023). Economic sanctions: Evolution, consequences, and challenges. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 37. No. 1. Pp. 3–29. DOI: 10.1257/jep.37.1.3

Mulder, N. (2022). *The economic weapon: The rise of sanctions as a tool of modern war*. New Haven: Yale University Press.

Neuenkirch, M., Neumeier, F. (2015). The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth. *European Journal of Political Economy*. Vol. 40. No. 2. Pp. 110–125. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2015.09.001

Papava, V. (2022). On sanctionomics and the externalities of economic sanctions. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. Vol. 16. No. 2. Pp. 142–149. DOI: 10.2139/ssrn.4153882

Syropoulos, C., Felbermayr, G., Kirilakha, A., Yalcin, E., Yotov, Y.V. (2022). The Global Sanctions Data Base – Release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions. *Drexel Economics Working Papers*. WP 2022–11.

van Bergeijk, P.A.G. (2021). Introduction to the Research handbook on economic sanctions. *Research handbook on economic sanctions*. P.A.G. van Bergeijk (ed.). Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 1–24.

Статья поступила 29.09.2023

Статья принята к публикации 30.09.2023

Для цитирования: Смородинская Н.В., Катукоев Д.Д. Российский санкционный кризис: концептуальные аспекты // ЭКО. 2023. № 12. С. 8–29. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-12-8-29

Информация об авторах

Смородинская Наталья Вадимовна (Москва) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник. Институт экономики РАН.

E-mail: smorodinskaya@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4741-9197

Катуков Даниил Дмитриевич (Москва) – научный сотрудник. Институт экономики РАН.

E-mail: dkatukov@gmail.com; ORCID: 0000–0003–3839–5979

Summary

N.V. Smorodinskaya, D.D. Katukov

The Russian Sanctions Crisis: Conceptual Aspects

Abstract. The paper analyzes the process of the Russian economy passing through the first and second years of sanctions in order to identify the regularities of the sanctions crisis in a “big country” that can produce a powerful backlash effect on global energy markets and the members of the sanctions coalition. Stemming from economists’ understanding of the global sanctions practice, we consider the Russian case as its unique experiment. We provide the reasons why Russia successfully overcame the sanctions shocks in 2022 and the signs of its plunge from 2023 into a long-term stress associated with the accumulation of structural deformations and the economy’s simplification. It is shown that countries friendly to Russia may become the main beneficiaries of its sanctions status. It is emphasized that the sanctions crisis is a process of non-linear transformation of the economy, which cannot be counteracted by traditional anti-crisis measures.

Keywords: *economic sanctions; sanctions crisis; large country; Russian economy; adaptation to sanctions; economic simplification; beneficiaries of sanctions*

For citation: Smorodinskaya, N.V., Katukov, D.D. (2023). The Russian Sanctions Crisis: Conceptual Aspects. *ECO*. No. 12. Pp. 8–29. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-8-29

Information about the authors

Smorodinskaya, Nataliya Vadimovna (Moscow) – PhD in Economics, Leading research fellow. Institute of Economics of the RAS.

E-mail: smorodinskaya@gmail.com; ORCID: 0000–0002–4741–9197

Katukov, Daniel Dmitrievich (Moscow) – Research fellow. Institute of Economics of the RAS.

E-mail: dkatukov@gmail.com; ORCID: 0000–0003–3839–5979